

Александра Анненская

БРАТ И СЕСТРА

Девочки
судьбы

Девичьи судьбы

Александра Анненская
Брат и сестра (сборник)

«ЭНАС»

1880, 1889

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

Анненская А. Н.

Брат и сестра (сборник) / А. Н. Анненская — «ЭНАС», 1880,
1889 — (Девичьи судьбы)

ISBN 978-5-91921-007-8

В книгу включены два произведения известной русской писательницы конца XIX – начала XX века Александры Никитичны Анненской. Повесть «Младший брат» рассказывает об эгоистичной девочке Вере, которая после смерти матери привязывается к крохотному младшему брату и фактически заменяет ему мать. С этого времени она находит смысл жизни в заботе о близких. Герои повести «Брат и сестра», осиротев после смерти матери, попадают в чужую семью и ведут себя по-разному: Маша остается справедливой, а Федя начинает угождать хозяевам, извлекая для себя выгоду. Постепенно любящие друг друга брат и сестра становятся чужими людьми. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-91921-007-8

© Анненская А. Н., 1880, 1889
© ЭНАС, 1880, 1889

Содержание

Предисловие от издательства	6
Младший брат	7
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	17
Глава IV	23
Глава V	26
Глава VI	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александра Никитична Анненская

Брат и сестра

© А. Власова. Иллюстрации, 2014

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2014

* * *

Предисловие от издательства

Имя Александры Никитичны Анненской (1840–1915) сегодня почти забыто, а между тем в конце XIX – начале XX века ее повести и рассказы пользовались широкой известностью. Ими зачитывались юные читательницы.

А. Н. Анненская – двоюродная сестра (по матери) поэта Иннокентия Анненского. Она родилась в помещичьей семье под Великими Луками. Девочка рано лишилась отца и в одиннадцать лет вместе с матерью, младшей сестрой и братом переехала в Петербург. Там она окончила пансион, в шестнадцать лет сдала в Петербургском университете экзамен на звание домашней учительницы и два года проработала в одной из народных воскресных школ.

Анненская писала повести для детей: «Чужой хлеб», «Находка», «Сильный мальчик», «Товарищи», «Детство Чарльза Диккенса» и др. Они печатались в журнале «Семья и школа» в начале 1870-х годов.

В 1880-е годы некоторые ее произведения вышли отдельными изданиями – «Анна», «Брат и сестра», «Мои две племянницы», «Зимние вечера» и др. Анненская также перевела и пересказала для детей книги зарубежных писателей: «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Маленький оборвыш» Дж. Гринвуда, «Робинзон Крузо» Д. Дефо.

Кроме того, Александра Никитична написала биографии Н. В. Гоголя, Ч. Диккенса, Ж. Санд, Ф. Рабле и О. Бальзака, а также очерки о Дж. Вашингтоне, Ф. Нансене и М. Фарадее.

Сегодня мы представляем читателю книгу, в которую вошли два произведения писательницы.

Повесть «Младший брат» рассказывает о капризной и эгоистичной девочке Вере, которая после смерти матери привязывается к крохотному младшему брату, такому же одинокому, как она сама. Фактически заменив малышу мать, Вера находит смысл жизни в заботе о близких.

Герои повести «Брат и сестра», осиротевшие после смерти матери, попадают в чужую семью. Вскоре Маша начинает замечать, что ее брат Федя, угождая одним людям и пренебрегая другими, извлекает для себя выгоду. Постепенно любящие друг друга брат и сестра станут чужими и устремятся к разным идеалам.

Младший брат

Глава I

– Как несносно ездить куда-нибудь с девочками! – недовольным голосом заметил тринадцатилетний гимназист Митя Петровский, расхаживавший давно уже нетерпеливыми шагами по просторной столовой комнате. – Посмотри, – обратился он к младшему брату, занимавшемуся, за неимением лучшего дела, лазаньем на стол и под стол, – уже три четверти шестого; тетя просила приехать не позже шести, а они все еще изволят заниматься своим туалетом!

– Известное дело, девчонки! – Боря с шумом соскочил со стола. – Пока они наденут по десять юбок, да расправят разные кантики, бантики, умный человек может десять раз сойти с ума от скуки.

Вероятно, чтобы предохранить себя от этого ужасного несчастья, «умный человек» готовился возобновить свои гимнастические упражнения, но в эту минуту дверь отворилась и в нее вбежала прелестная восьмилетняя девочка.

– Наконец-то! – воскликнул Боря.

– Да я давно готова, это все Веру не могли причесать как следует, – ответила девочка.

– А ведь ты, Жени, прехорошенькая! – заметил Митя, оглядывая девочку с ног до головы.

Братья редко говорят подобные комплименты своим сестрам, но надобно заметить, что Жени вполне заслуживала лестное замечание брата. Трудно было себе представить более прелестную детскую головку, более изящную детскую фигурку. Голубое барежевое¹ платье как нельзя более шло к ее нежному, беленькому личику, ее ясным голубым глазкам и длинным светло-русым волосам.

– Ну, а я, Митя, какова? – раздался сзади нее голос, и Мите волей-неволей пришлось сравнивать двух сестер. Какая противоположность! Самый снисходительный судья не мог бы

¹ Барежевый – сшитый из барэжа, легкой шерстяной ткани.

назвать бедную Верочку хорошенькой. Она была двумя годами старше сестры и несмотря на то равного с ней роста; правое плечо ее было сильно поднято вверх, а правая лопатка выпячивалась назад; на длинном, худощавом лице ее очень некрасиво выдавались большой нос и широкий рот; смуглая, желтая кожа ее казалась еще желтее и смуглее от голубого цвета ее платья и от голубых бантов, украшавших ее темные жесткие волосы.

– Ты какова? – воскликнул Боря, не дав брату времени ответить на вопрос сестры. – Ты как две капли воды похожа на лягушку!

– Гадкий! Злой мальчишка! Как ты смеешь так говорить! – закричала Вера, и сердитое выражение лица сделало ее еще некрасивее прежнего.

– Дети, дети, опять вы ссоритесь! Как вам не стыдно! – раздался кроткий голос Софьи Павловны Петровской, входившей в эту минуту в комнату вместе с мужем.

– Да, мама, Боря меня называет лягушкой; как он смеет! – тотчас же обратилась с жалобой к матери обиженная девочка.

– Борис, ты вечно дразнишь сестер, – строго заметил отец, – тебя стоит в наказание за это оставить дома!

– Ну, полно, друг мой, – успокоительно заметила Софья Павловна, боявшаяся, чтобы муж действительно не подверг мальчика слишком строгому наказанию, – он ведь это сказал в шутку, не со злости; они беспрестанно ссорятся и мирятся, – не стоит обращать на это внимания. Одевайтесь скорей, дети, – карета приехала, мы и так опоздали.

Боря, взглянув на отца, увидел по глазам его, что он не намерен противоречить матери, и в восторге, что грозившая беда миновала, быстро перекувырнулся вверх ногами, так же быстро поцеловал руку матери и в один миг очутился в передней, куда за ним последовали все остальные.

Закутавшись в теплые шубы, теплые сапоги и теплые шарфы, семейство уселось в карету. Был второй день рождественского праздника, на дворе стоял сильный мороз, но дети не чувствовали холода; Боря с Жени находили даже, что в карете слишком душно, и упростили отца позволить опустить одно стекло. Они оба были в самом возбужденном, веселом расположении духа; наперебой сочиняли разные глупости, хохотали, болтали, не умолкая ни на минуту. Митя принимал участие в их веселье, насколько ему позволяло его достоинство гимназиста второго класса. Софья Павловна с улыбкой удовольствия поглядывала на детей, и даже отец терпеливо переносил, что маленькие ножки Жени беспрестанно толкали его, а Боря чуть не сбил ему шапку с головы, бросившись смотреть на елку, зажженную в окне одного дома, мимо которого они проезжали.

Правда, детям было отчего радоваться: они ехали к своей тетке, Варваре Андреевне Баймаковой, на елку, и не только на елку, но еще на детский бал, который должен был начаться с восьми часов, когда елка погаснет. До сих пор дети никогда еще не бывали на детских балах; они думали, что балы даются только для взрослых, и вдруг оказывается, что тетя устраивает бал для детей – настоящий бал: с оркестром, музыкой, с угощением, с ужином. Тут было от чего прийти в восторг, от чего было и волноваться, и радоваться!

Одна только Вера не разделяла этого веселья. Девочка молча сидела в углу кареты, надувшись: она все еще не могла забыть обиды, нанесенной ей братом.

«Ишь как веселится! – думала она, с неудовольствием поглядывая на Борю, – как будто и не виноват! И папаша-то хорош: только пострашал, что накажет, да и забыл! А все мама заступается! Конечно, как можно наказать любимого сынка, а что он меня обидел – не беда! Вот если Женьку – другое дело, а за меня никто не заступится... Что выдумал: лягушка! Сам-то очень хорош! Настоящий...» – и сердитая девочка придумывала разные, вовсе не лестные прозвища оскорбившему ее брату.

Карета ехала очень быстро и скоро остановилась перед домом Варвары Андреевны. Варвара Андреевна была женщина богатая, веселая, щедрая, никогда не жалевшая денег для удо-

вольствия своих трех детей: Зои, Жоржи и маленькой Ади. Племянников она также очень любила, но особенной любимицей ее была хорошенькая Жени, хотя и к остальным детям она всегда была до баловства добра.

В этот раз у нее должно было собраться довольно многочисленное общество; не считая взрослых и совсем маленьких детей, приятелей четырехлетней Ади, танцоров и танцорок от семи до семнадцати лет приглашено было человек двадцать пять.

Войдя в переднюю, Петровские тотчас поняли по веселому гулу, доносившемуся до них из других комнат, что гостей собралось уже много. И в самом деле, все приглашенные на елку съехались, ожидали только их, чтобы зажечь свечи на дереве.

Митя держал себя, как следует благовоспитанному гимназисту, и, стараясь скрыть свое нетерпеливое ожидание предстоящих удовольствий, любезно раскланивался и разговаривал с гостями; зато Боря и Жени до того ясно выказывали свое волнение, что едва отвечали на поцелуй Зои и Жоржи и чуть не забыли поздороваться с теткой.

Вера была взволнована не меньше их, но к ее ожиданиям примешивалось неприятное чувство: она сразу заметила, что и тетка, и Зоя встретили Жени нежнее, чем ее, что один из гостей заметил, обращаясь к ее матери: «Какая красавица ваша Женичка!» – а другой сказал про ее братьев «Как они выросли, какие стали молодцы!» О ней никто ничего не говорил, ее никто не хвалил, никто особенно не ласкал, и сердито-завистливое чувство, с каким она поглядывала на других детей, еще больше портило ее некрасивую наружность.

Наконец, дверь в залу отворилась и дети веселой толпой побежали к ярко освещенному дереву. Красивая, роскошно убранная елка не удивила богатых петербургских детей; они мельком взглянули на дерево и обратили главное внимание на стол с подарками; каждый из приглашенных гостей нашел свое имя на билете, прикрывавшем или игрушку, или книгу, или какую-нибудь хорошенькую безделушку. Вера прежде всех отыскала свой подарок: это была книга в красивом переплете, с хорошенькими раскрашенными картинками. В первую минуту девочка очень обрадовалась: она любила читать, а в особенности любила рассматривать картинки; но вдруг глаза ее упали на Жени, вынимавшую в эту минуту из картонки богато одетую куклу, с длинными черными волосами, – и вся ее радость исчезла.

«Видно, что любимица: вон какую чудную куклу ей подарили!» – подумала она и, небрежно бросив книгу на стол, подошла к сестре.

Жени, в восторге от полученного подарка, бросилась всем его показывать.

– Боря! – кричала она, подбегая к своему любимому брату, – посмотри, какую прелесть мне подарили! А у тебя какая игрушка?

– Вот выдумала – игрушка! – с презрением ответил Боря, – точно я маленький! Тетя знает, что в мои годы игрушки уже не занимают... Посмотри, какую славную книгу она мне подарила!

Жени с недоверием посмотрела на своего мудрого брата, равнодушно повертела в руках его книгу и пошла хвастать своим сокровищем перед девочками. Вера также слышала слова Бори, и они утешили ее.

«Может быть, тетя и в самом деле подарила мне книгу, а не куклу, потому, что я умнее Жени», – подумала она и снова возвратилась к своему подарку. – «А ведь Борина книга больше и толще», – опять мелькнуло в голове ее и, воспользовавшись тем, что брат ее отошел от стола, она быстро смерила обе книги: действительно, Борина была пальца на два больше и значительно толще ее. На душе завистливой девочки снова стало грустно.

Варвара Андреевна увидела недовольное выражение лица племянницы и подошла к ней.

– Ну что, Верочка, – ласковым голосом спросила она, – угодила ли я тебе? Нравится ли тебе твоя книжка?

– Борина больше! – вместо благодарности ответила девочка.

– О книгах судят не по величине, а по тому, что в них написано, – несколько недовольным голосом заметила Варвара Андреевна и отошла от девочки, думая про себя, что у нее отвратительный характер.

Рассматривание подарков и разговоры о них так заняли детей, что они почти не заметили, как свечи на елке догорели; надобно было приняться за обрывание с дерева конфет, и вместе с последним яблочком, снятым с ветки Жоржем, погасли и последние две свечки. Детям вдруг стало как-то грустно при виде темного, пустого дерева, и они в раздумье стояли вокруг него.

Варвара Андреевна тотчас заметила это настроение гостей своих и поспешила рассеять его.

– Ну, господа, – громким, веселым голосом произнесла она, – милости просим в столовую, напейтесь чаю и приготовьте ноги: сейчас заиграет музыка!

Дети с удовольствием последовали приглашению любезной хозяйки, и только младшие из них долго засиделись за бутербродами и сладкими печеньями, поданными к чаю; старшие же спешили допить свои чашки и вернуться в залу, откуда уже доносились звуки настраиваемых инструментов.

Бал удался как нельзя лучше; сказать по правде, он шел не совсем так, как идут балы для взрослых; многие дамы бегали, вместо того чтобы танцевать, многие кавалеры ни за что не могли попасть в такт, приглашение на танцы часто выражалось просто дерганьем за руку или словами: «Давай-ка, пойдем!», а в ответ нередко слышалось нелюбезное: «Ну, с тобой не хочу, ты не умеешь!» – в кадрили фигуры часто путались, а во время вальса две пары столкнулись так, что обе полетели на пол; но все это не только не мешало удовольствию, а напротив, увеличивало его. Взрослые гости любовались веселостью детей и подсмеивались над чопорными четырнадцатилетними барышнями, гримасничавшими, чтобы походить на больших девиц, и над пятнадцатилетними франтами, старавшимися казаться разочарованными мужчинами.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы все танцующие равно веселились: среди них были дети неловкие, застенчивые, которые не решались сами приглашать других на танцы, а скромно сидели по углам, ожидая приглашения, и затем неуклюже, медленно выделявали па, краснея и сбиваясь беспрестанно. К числу таких детей принадлежала и Вера: ей постоянно хотелось заслуживать одобрение, похвалы, она постоянно боялась насмешек и потому, конечно, не могла держать себя свободно, непринужденно. Она ни за что не согласилась бы, как Жени, вальсировать по зале с куклой вместо кавалера, она ни за что не решалась, как Зоя, сама подбегать к мальчикам и звать их на танцы, а между тем к ней подходили немногие. Она была очень неловка, быстрое движение скоро утомляло ее; вечно занятая мыслью, как бы не сделать чего-нибудь смешного, она была невесела, неразговорчива, и маленькие танцоры избегали ее. Большую часть вечера сидела она неподвижно в углу, наморщив брови и завистливыми глазами следя за мелькавшими мимо нее парами. Гувернантка Баймаковых заметила невеселое выражение лица девочки и подошла к ней.

– Вы, кажется, не очень любите танцевать, моя милая, – ласковым голосом сказала она ей, – пойдемте со мной в детскую, посмотрите, как там веселятся Адя и другие дети; может быть, и вам захочется поиграть с ними. – Лицо Веры вспыхнуло; доброта гувернантки не тронула, а раздражила ее. «Жени двумя годами моложе меня и танцует с большими, – мелькнуло в уме девочки, – а меня хотят засадить в детскую с трехлетними крошками».

– Играйте сами с Адей, если это вам нравится, – грубым голосом проговорила она, – я не уйду отсюда!

Она встала с места и отошла от гувернантки, с удивлением и жалостью поглядевшей вслед ей.

Пробираясь между танцующими парами, Вера стала за дверь в гостиную. В этом уголке никто ее не видел; она могла на свободе хмуриться, ворчать и грызть от злости свой батистовый платок.

– Жорж, – услышала она за дверью голос тетки, стоявшей у входа в гостиную, – ты забыл, о чем я тебя просила?

– О чем, мама?

– Стараться, чтобы всем гостям у нас было весело, расшевеливать конфузливых мальчиков, танцевать с девочками, с которыми другие не танцуют.

– Да я же это и делаю, мама. Я и Борю просил помогать мне. Смотри, как мы расшевелили Ваню Ланина: он прежде боялся с места встать, а теперь – видишь, как отплясывает. Вон Боря танцует с этой толстушкой, как ее? – Сашей Кузьминой, а я сейчас только посадил Глашу Ильину, она мне все руки оттянула!

– А с Верочкой Петровской отчего же ты не танцуешь?

– Ах, мама, да я ведь уже раз танцевал с ней! Она такая неповоротливая, скучная!.. С ней просто мученье!

– Не думаю, чтобы для тебя в самом деле было так тяжело доставить удовольствие бедной девочке, которая должна очень скучать, – серьезным голосом заметила Варвара Андреевна.

Жорж ничего не ответил и пошел искать по залу свою некрасивую кузину.

Вера не пропустила ни одного слова из разговора матери с сыном и положительно задыхалась от гнева. Тетка называет ее «бедной» девочкой, Жорж, – этот гадкий, отвратительный Жоржка! – смеет говорить, что танцевать с ней – мученье, смеет думать, что сделает ей благодеяние, если пригласит ее! Она вышла из своего угла и опустила на первый попавшийся стул. Жорж тотчас же заметил ее и подошел к ней.

– Вера, пойдем танцевать, сейчас заиграют кадрили, – сказал он.

– Не хочу, – проговорила девочка, отворачиваясь от него.

– Отчего же это ты? Ведь ты умеешь? Пойдем, не упрямясь!

– Говорю тебе, не хочу; оставь меня в покое.

– Какая ты, право, сердитая! Вон уже заиграли! Идем скорей!

Он взял ее за руку, готовясь ввести в круг танцующих, но Вера, потеряв всякое самообладание, со всей силы ударила мальчика по лицу. Жорж поднял руку, чтобы отплатить ей тем же, но, к счастью, вовремя вспомнил, что перед ним слабая, болезненная девочка.

– Злючка! – сквозь зубы проговорил он и поспешил отойти от рассерженной девочки.

Поступок Веры заметили многие; через несколько секунд говорили о нем в зале и в гостиной. Взрослые с сожалением поглядывали на Софью Павловну, понимая, как тяжела была эта история для материнского сердца. Дети были безжалостны к маленькой преступнице: они делали вид, что боятся ее, нарочно отбегали от нее подальше, и в то же время смеялись над ней, награждали ее разными нелестными прозвищами. Вера, вне себя от гнева, бранила всех и готова была даже драться; к счастью, встревоженная Софья Павловна подросла вовремя, чтобы удержать ее. Она сразу заметила по взволнованному лицу девочки, что всякие расспросы и увещания напрасны.

– Вера! – серьезным, почти строгим голосом сказала она, – иди скорей одеваться: горничная тетеньки отвезет тебя домой.

Девочка не сопротивлялась, она даже рада была скорей уйти из этой ярко освещенной комнаты, где она испытала так много неприятностей от этих смеющихся, нарядных детей, готовых безжалостно замучить ее своими насмешками.

И вот, кончился для нее веселый праздник, о котором она мечтала не меньше других, к которому она готовилась всех усерднее и суетливее. Он кончился и не оставил в душе ее ни одного из тех светлых воспоминаний, которые после всякого такого праздника надолго красят и веселят однообразную будничную жизнь. Напротив, ей было так грустно и тяжело, что только стыд перед чужой горничной заставлял ее сдерживать рыдания, душившие ее во все время дороги домой. Дома она ничего не отвечала на расспросы прислуги, удивлявшейся, что барышня вернулась одна и так рано. Она поспешила раздеться, сердитым голосом приказала

горничной унести свечу и, оставшись на постели в темноте, вполне предалась своим чувствам. Сначала она била кулаками подушку и одеяла, в бессильном гневе не только против Жоржа и других детей, обидевших ее, но и против тетки, против родителей, против братьев, против гувернантки и против ни в чем не виноватой Жени. Мало-помалу гнев ее затих и заменился горьким сожалением о себе, о своей несчастной судьбе...

«И отчего это я не такая, как другие, – думала бедная девочка, обливаясь слезами, – отчего я не такая хорошенькая, как Жени, отчего никто меня не любит, все меня обижают, все смеются надо мной! Даже мама не так ласкает, как других: других она называет “моя радость”, “мое сокровище”, а мне всегда говорит “Моя бедная девочка!” Несчастливая я, несчастная!»

Когда остальная семья вернулась домой, Вера спала тяжелым, тревожным сном. Андрей Андреевич очень сердился на свою старшую дочь и всю дорогу уверял, что непременно накажет ее. Но когда Софья Павловна подвела его к кроватке девочки и указала ему на ее жалкую, худощавую фигурку, разметающуюся на постели, на ее бледное личико, опухшее от слез, ему стало жаль ее и он тихо прошептал:

– Бедняжка! Она довольно наказана!

Глава II

Те тяжелые часы, которые Вера провела, рыдая в своей постельке, пока ее братья и сестра веселились на вечере, были не первыми горькими часами в жизни девочки. Рано, очень рано начала она сравнивать себя с другими детьми, завидовать их преимуществам, мучиться своими недостатками.

Она родилась слабым, болезненным ребенком. Трех лет она едва могла ходить на своих тоненьких, кривых ножках; на шестом году кривизна ее спины стала заметна и увеличивалась с каждым годом; росла девочка очень медленно, желудок ее переваривал слабо, беспрестанно приходилось держать ее на самой строгой диете. А между тем в одной с ней комнате жили ее братья – сильные, здоровые мальчики. Ей хотелось гулять вместе с ними, принимать участие в их играх, есть столько же, сколько ели они, а все это было для нее невозможно.

– Отчего же Митя и Боря идут, а мне нельзя! – плаксивым голосом говорила она, видя, как братья торопились надевать свои кафтанчики, чтобы идти в морозный зимний день.

– Отчего же ты Мите и Боре дала гостинца, а мне нет? – приставала она к матери, боявшейся лишним лакомством расстроить и без того слабый желудок болезненного ребенка.

– Они больше тебя, они мальчики! – говорила мать в утешение ей.

И это отчасти утешало девочку. Она тоже вырастет, тогда и она будет бегать, гулять, есть гостинцы, как братья; мальчиком она, правда, не сделается, но няня говорит, что это не беда, – зато она будет носить хорошенькие платица и шляпки, каких мальчики не носят. Дело пошло хуже, когда подросла маленькая Жени. Живая, резвая девочка, несмотря на разницу лет, могла участвовать почти во всех удовольствиях братьев.

Теперь уже нельзя было говорить Вере, что она должна сидеть одна в комнате или довольствоваться вместо трех двумя кушаньями за обедом, потому что она «девочка», потому что она «маленькая». Другая девочка, еще меньше ее, пользовалась тем, в чем ей отказывали, и это на каждом шагу возбуждало в ней чувство самой мучительной зависти.

«Да отчего же Жени? Я хочу, как Жени! Дай мне, Жени!» – беспрестанно слышался то жалобный, то сердитый голос Веры. Мать пробовала кротко объяснять ей, что не все дети равны, что Жени здоровее ее, что вещи, которые очень полезны для Жени, могут повредить ей, и так далее.

Она была еще слишком мала и глупа, чтобы понимать такие рассуждения; она отвечала на них припадками гнева, топала ногами, отталкивала мать и часто старалась вымещать досаду на сестре, ни в чем не виноватой. Она ломала игрушки Жени, портила ее вещи, дразнила ее. Жени, конечно, не сносила этого терпеливо: она плакала, жаловалась няне или матери. Веру бранили, наказывали, и это еще больше раздражало девочку. С братьями она также беспрестанно ссорилась: они были мальчики незлые, вовсе не хотели обижать сестер, но, как почти все дети, не понимали и не умели щадить чувств других; они удивлялись, отчего Жени весело смеется, когда ее называют «большеглазая», «стрекоза», а Вера плачет и злится при словах «горбунья», «черепаха неповоротливая». Им казалось вполне естественным не допускать к участию в своих играх сестру, которая бегала очень тихо, задыхаясь, которая не умела ни лазать, ни скакать, до которой нельзя было пальцем дотронуться, чтобы не услышать тотчас: «Пожалуйста, осторожнее с Верой! Не толкните Веру! Не ударьте Веру!» – и которая сама пищала и целый час плакала от самой, по-видимому, незначительной боли. Они не понимали, с какой горечью следила бедная болезненная девочка из своего уголка за их веселыми, шумными играми, с какой горечью глядела она на их оживленные, раскрасневшиеся лица, когда они возвращались с далекой прогулки; они возмущались, когда на их рассказы об испытанных удовольствиях она отвечала грубо и сердито; они убегали от нее, бросая ей какое-нибудь насмешливое прозвище, еще более увеличивавшее ее озлобление.

Мать отчасти понимала тяжелое положение девочки и старалась, как умела, помочь ей, но она не могла много заниматься ею. После Жени у нее родилось еще два мальчика и девочка. Они, как и все малютки, требовали от матери самого тщательного ухода; но, несмотря на ее заботы, умирали рано, после продолжительных болезней. Отец не занимался воспитанием детей; слыша шум и ссоры в детской, он входил туда только для того, чтобы наказать виновных, и виноватой почти всегда оказывалась Вера. Он наказывал ее, возмущался рассказами о ее злости, находил, что с ней надо обращаться строго, начинал муштровать девочку. Она не поддавалась, плакала, злилась и, в конце концов, заболела. Тогда отцу становилось жаль ее, он ее ласкал, грозил строго расправиться со всяким, кто обидит ее, покупал ей игрушки. Вера пользовалась этой слабостью отца и начинала распоряжаться в детской как маленький тиран. Нянькам, братьям, сестре, прислуге – всем доставалось из-за нее, и все, конечно, пользовались случаем отомстить ей, когда проходил прилив отцовской нежности.

Так шло детство девочки: в постоянной борьбе с окружающими, в постоянной зависти и злобе. Она не любила ни братьев, ни сестру, и они платили ей тем же; прислуга и няньки тяготились ею, тяготились той лишней работой, какую надо было делать для нее как для ребенка болезненного, и теми неприятностями, какие приходилось терпеть от ее дурного характера. Отец и мать смотрели на нее не с радостной надеждой, как на других здоровых детей, а с грустью и жалостью.

Вере было семь лет, когда у детей приключилась скарлатина. Митя, Боря и Жени поправились быстро, но у Веры и ее младшего двухлетнего братца болезнь приняла серьезный оборот. Малютка не вынес ее и умер, а Вера медленно поправлялась. Лежа на постельке, с закрытыми от слабости глазами, девочка слышала, как в соседней комнате мать рыдала над телом своего младшего, любимого, сына.

– Полно, не сокрушайся так, – утешал ее отец, – мы должны радоваться, что хоть остальные дети живы!

– Да отчего же именно он умер! – плакала мать, – Он был такой славный ребенок, так радовал меня! Уж лучше бы умерла Вера: она все равно вечно болеет!

Слова эти – необдуманные слова, нечаянно вырвавшиеся у огорченной матери, – легли тяжелым камнем на сердце бедной девочки. До сих пор, замечая, что мама ласкает ее чаще, чем других детей, и заботится о ней больше, чем о других, она считала себя ее любимицей, и это утешало ее. «Пусть папа и няня, Митя и Боря больше любят Жени, – думалось ей, – зато мама любит меня больше всех!» И в те немногие добрые минуты, когда ничто не раздражало ее, когда она, как всякий ребенок, чувствовала желание любить и быть любимой, она доверчиво шла к матери и со страстной нежностью отвечала на ее тихие ласки. Теперь это кончено! Она узнала, что мать не любит ее, что мать заботится о ней, ласкает ее только из жалости, как она один раз из жалости приласкала больного щенка, выброшенного на лестницу.

Вера никому не намекнула на услышанные случайно слова, на причиненные ей этим страдания, но в ту же ночь с ней сделался сильнейший жар. Она целую неделю была на краю могилы и, по словам доктора, только чудом осталась жива. Выздоровление ее шло очень медленно, а когда она снова вернулась в круг детей, все заметили, что Вера стала больше прежнего дика и молчалива, что она еще меньше выражает дружелюбия к окружающим и что она странно чуждается матери.

«Я знаю теперь, что никто меня не любит, – думала девочка, сердитыми глазами глядя на окружающих, – ну, что же? – и я никого не люблю и не хочу любить, а все-таки я мамина дочка, она должна делать для меня все то, что делает для Жени». И девочка зорко следила за всеми поступками матери и окружающих, готовясь каждую минуту защищаться от тех, по большей части воображаемых, несправедливостей, которые они делали относительно нее.

– Мама, отчего же вы шьете Жени новое платье, а мне нет? – спрашивала она, видя, что мать кроит только одно платье.

– Жени перепачкала свое розовое платье, а твое еще совсем хорошо, ты надевала его всего один раз.

– Ну, так что же? Если я ношу платья бережливее, чем Жени, так пусть у меня и будет больше. Нет, мама, непременно купите и мне такое же!

– Полно, Верочка, для чего же покупать лишнее! Когда тебе понадобится платье, я и тебе куплю.

– Нет, мне надо теперь, вместе с Жени! Вы ее больше любите, оттого и делаете ей больше, чем мне.

И девочка начинала рыдать и не успокаивалась до тех пор, пока мать не уступала ее просьбам.

– Папа, вы дали братьям по целому яблоку, отчего мне половину? – приставала она к отцу.

– Оттого что яблоки тебе вредны.

– Я съем половину, а вы мне все-таки дайте целое. А с другой половиной сделаю, что хочу...

Отец, не любивший возни с детьми, давал ей яблоко, и она выбрасывала половину его за окно только для того, чтобы иметь удовольствие чувствовать, что ей дано не меньше, чем другим.

Похвалы красоте и грациозности Жени возмущали ее.

«И ничего в ней нет такого особенного, – думала она иногда, рассматривая в зеркале свое собственное некрасивое лицо; она, правда, беленькая, но зато у меня глаза больше, и брови гуще; мама лучше наряжает ее, оттого она и кажется красивее». И девочка внимательно следила, чтобы мама не надела ни лишнего бантика, ни лишнего кусочка кружев на ее меньшую сестру.

Легко себе представить, что при таком характере Веры жизнь в детской Петровских шла далеко не мирно, особенно если прибавить к этому, что Митя был очень самолюбив и требовал от младших уважения к себе как к старшему. Боря любил дразнить и насмехаться, а Жени плакала при всякой неприятности и бежала под крылышко кого-нибудь из старших.

После детского бала, так несчастно окончившегося для Веры, ссоры детей еще более усилились. Родители Веры, видя заплаканное личико девочки ночью и ее бледность на другой день, думали, что она получила довольно тяжелый урок, и не упрекали ее за вспыльчивость; но дети не оставляли сестру в покое. Они приставали к ней с расспросами, с насмешками, повторяли, что говорили про нее другие гости, при всяком удобном и неудобном случае вспоминали о ее несчастном приключении и быстром удалении с бала. Вера выходила из себя от гнева, осыпала всех бранью и оскорблениями, доходила до того, что, несмотря на свое бессилие, начинала драку. Жени с писком и слезами бежала жаловаться отцу или матери, братья сами расправлялись со «злюкой»; вместо смеха и веселых игр в доме беспрестанно слышались крики, бранчивые голоса, слезы.

– Это просто нестерпимо! – воскликнул однажды вечером Андрей Андреевич, нарочно улаивший детей пораньше спать, чтобы избавиться от неприятного шума. – Везде дети ссорятся, но уж так, как у нас, – нигде! Надобно положить этому конец!

– Что же ты думаешь сделать? – с тревогой спросила Софья Павловна.

– А вот что: с нового года засадить их вплотную за книги, да с осени и отдать всех в гимназии. Пусть девочки поступят хоть в подготовительный класс, все равно – только бы заняты были!

– Что же, это отлично! – согласилась Софья Павловна. – Боря очень балуется дома, ему осенью будет почти двенадцать лет – пора, мы и Митю двенадцати лет отдали в гимназию; для Жени это также будет полезно: пусть приучается трудиться да меньше думать о нарядах; только насчет Верочки не знаю: она такая слабая...

- Ничего: меньше будет злиться, так скорей поздоровеет.
- Пожалуй, что и так.

На другой день детям было объявлено решение отца. Боря приуныл: он видел, как усиленно занимался его старший брат, как часто проводил над книгами целые вечера и целые праздничные дни, как редко можно ему было пошалить и погулять, – такая жизнь казалась ему малопривлекательной. Девочки, напротив, были очень довольны. Жени радовалась тому, что попадет в многочисленное общество подруг; гуляя, она часто встречала толпы девочек, возвращающихся с сумочками и саквояжами в руках из училищ; идти в этой толпе, знать, о чем они так весело болтают, так громко смеются, представлялось ей в высшей степени приятным. Веру тоже манило в гимназию, главным образом, общество, которое она там встретит: там так много и детей, и больших, они еще ее не знают и не думают о ней ничего дурного; может быть, она понравится им, они полюбят ее... Она и там будет стараться все делать лучше, чем Жени, – и учиться прилежнее, и вести себя скромнее; ее будут хвалить, папа и мама увидят, как они несправедливы, считая ее хуже Жени, им станет стыдно, и Мите, и Боре, и всем, кто теперь смеется над ней, станет очень, очень стыдно.

С нового года детям пришлось, как и сказал Андрей Андреевич, засесть за книги. До сих пор Боря учился у учителя только три раза в неделю, и учился, надобно сознаться, довольно лениво. Резвый, живой мальчик очень любил чтение, особенно чтение путешествий и всевозможных опасных приключений на суше и в воде, но учебники возбуждали в нем непреодолимую зевоту. Девочки понемножку занимались с матерью: Жени казалась еще слишком маленькой, и Софья Павловна находила, что рано начинать серьезно учить ее. Верочка часто хворала. Почти играя, мать выучила их читать, писать буквы, считать; до сих пор они не знали, что значит готовить заданный урок или сидеть за книгой, когда хочется поиграть.

Теперь дело пошло иначе: учитель стал ходить к Боре каждый день; кроме того, мальчик должен был еще брать уроки у учительницы, которая аккуратно два часа в день занималась с его сестрами. Дети, особенно Боря, присмирели. Андрей Андреевич отчасти достиг своей цели; в детской слышалось меньше шума и ссор. Учительница находила, что Вера внимательнее и прилежнее сестры, и часто хвалила ее. Это подстрекало самолюбие девочки: она по целым часам просиживала за книгами и, ответив урок лучше Жени, чувствовала себя счастливой, меньше злилась, меньше обижалась.

Среди занятий время шло для детей очень быстро. Незаметно пролетело полгода, лето близилось к концу, а вместе с тем приближался и день вступительного экзамена. Боря должен был экзаменоваться в первый класс мужской гимназии, обе девочки – в подготовительный класс женской. Учительница твердила, что Вера могла бы поступить и в седьмой² класс, но Софье Павловне хотелось, чтобы учение давалось как можно легче слабенькой девочке: она боялась за ее здоровье, и потому уговорила поступить в один класс с сестрой.

– Не беда, что первое время тебе будет легко, – убеждала она ее, – зато ты можешь отличиться, сразу стать первой в классе.

«И выше Жени», – мысленно договорила Вера, и это соображение заставило ее согласиться.

² В женских гимназиях, в отличие от мужских, самым младшим классом был седьмой, а самым старшим – первый.

Глава III

Настали первые дни августа, а с ними и страшные для детей экзамены. Восьмого числа назначен был экзамен в мужской гимназии, куда должен был поступить Боря; девятого – в женской, куда собирались девочки, Боря сильно храбрился, и на все вопросы домашних: «что, страшно, боишься?» – отвечал смехом и уверениями, что не чувствует ни малейшего страха. Андрей Андреевич сам повез его в гимназию; остальная семья с нетерпением ожидала их возвращения. Даже Вера забыла на время думать о самой себе и не завидовала тому, что мама все говорит и заботится об одном Боре.

В четыре часа раздался резкий звонок; дети выбежали в переднюю. При первом взгляде на лица вошедших видно было, что дело неладно. Андрей Андреевич смотрел сердито, Боря был бледен и сконфужен.

– Ну, что? – нетвердым голосом спросила Софья Павловна.

– Да то, чего я и ожидал! – резко ответил Андрей Андреевич, шумно входя в столовую. – Я всегда говорил, что это негодный лентяй! Срезался на всех предметах! Из русского получил

двойку, из Закона Божия двойку, из арифметики учитель прямо мне сказал, что он ничего не знает... Что мы теперь будем с ним делать? В мастерство его отдать какое-нибудь? Так ведь и там лентяев не потерпят! Пастухом его сделать, свинопасом – он ни на что другое не годен...

Во время всей этой сердитой речи отца Боря стоял молча, опустив голову, видимо, с большим трудом удерживаясь от рыданий. Софья Павловна понимала, как страдал бедный мальчик, как тяжело был он наказан за свою леность и беспечность, но она не стала ласкать его, выказывать ему сочувствие, чтобы еще больше не раздражить мужа.

Митя и девочки также присмирели и с состраданием поглядывали на брата. Горничная, вошедшая объявить, что обед подан, положила конец тяжелой сцене. Молча, грустно сидели все за столом. Жени попробовала было заговорить о чем-то постороннем, но строгий взгляд отца заставил ее прикусить язычок.

– Вот посмотрим, что-то завтра вам будет, – заметил Андрей Андреевич, когда девочки подошли благодарить его за обед, – пожалуй, тоже осрамитесь!

И слова эти пробудили в них на время забытый страх.

– Верочка, давай учиться, я нетвердо знаю молитвы, – шепнула Жени.

И обе девочки уселись, с книгами в руках, в уголке детской.

Софья Павловна сама хотела везти их на экзамен, но, как нарочно, у нее с утра сильно разболелась голова и им пришлось ехать с отцом, что еще более усиливало их тревогу: руки Веры дрожали до того, что она едва могла застегнуть пуговку своей кофточки, у Жени побелели не только щечки, но даже губки.

– Бедные деточки, они волнуются! – вздыхала Софья Павловна. – Будет ли им удача... – И забота о детях еще больше увеличивала ее боль. К счастью, ей пришлось ждать недолго. Во втором часу Митя с радостным лицом вбежал к ней в комнату.

– Идут, мама! – кричал он. – И, должно быть, все сошло хорошо! Папа веселый, несет коробку, кажется, с конфетами!

Через две минуты девочки, запыхавшись от скорой ходьбы и волнения, уже обнимали мать. По их радостным, оживленным лицам видно было, что страшный экзамен окончился благополучно.

– Выдержали? Ну, как я рада! Рассказывайте же, рассказывайте подробно, как все было? – спрашивала мать, целуя и лаская их.

– Сегодня можно рассказывать, – заметил Андрей Андреевич, также входя в комнату жены, – хоть девочки не осрамили нас: Жени очень мило читала и по-русски, и по-французски, по-немецки немного сбивалась, но учительница похвалила ее за хороший выговор, в счете она также сплеховала, но это, говорят, ничего; а Вера так просто отличилась. Начальница говорит, что она без труда могла бы поступить и в седьмой класс, – все ею восхищались.

– Умница, Верочка, поздравляю! – и мать еще раз нежно поцеловала обрадованную девочку.

Этот день был днем торжества для Веры: ее хвалили, ласкали, отец беспрестанно называл ее «своей умницей», гостям, приехавшим к обеду, рассказали о ее успехе, братья и Жени не только не смеялись над ней, а напротив – относились к ней с каким-то уважением; даже прислуга смотрела на нее приветливее, услуживала ей охотнее обыкновенного. Девочка краснела, глаза ее сияли торжеством, она не опускала головы, не хмурилась, не подозревала в каждом слове оскорбления, глядела смело и бодро, охотно прислушивалась к разговорам гостей, беспрестанно ожидая чего-нибудь для себя лестного. Одно несколько нарушало ее праздничное настроение: ей казалось, что мать слишком холодно относится к ней, слишком мало сопереживает ее торжеству.

На самом же деле Софья Павловна была от души рада, что на долю ее бедной, обиженной природой девочки выпал счастливый день; ей приятно было думать, что у Веры, может быть, разовьется любовь к умственному труду, что то умственное превосходство, которое она при-

обретет, поможет ей победить неприятные стороны ее характера, заставит окружающих забыть о ее физических недостатках. Она с любовью глядела на сиявшее лицо девочки, на ее небывалое оживление...

Но еще более нежности чувствовала она, когда глаза ее обращались на грустного, униженного, подавленного своей неудачей Боря. Куда девалась вся бойкость, вся неугомонная резвость, вся шумная веселость бедного мальчика! Он сидел неподвижно, бледный, молчаливый, едва поднимая глаза, односложно отвечая на все вопросы, с которыми к нему обращались. А Андрей Андреевич, как нарочно, во всех похвалах Вере делал колкие намеки на него, сравнивал их рост, здоровье, время, когда они начали учиться, говорил о том, какое мучение иметь сыновей, как много хлопот и как мало радостей доставляют они, спрашивал, не знает ли кто-нибудь такой должности, на которую нужны лентяи, и так далее и тому подобное.

Мать понимала, как болезненно отзывались все эти слова в сердце чувствительного мальчика; она не могла вполне радоваться радостью одного ребенка, когда подле нее страдал другой.

После обеда Боря не мог долее выдержать, он незаметно ускользнул из комнаты, убежал в детскую и, бросившись на кровать, дал полную волю слезам. Не прошло и четверти часа, как подле него уже сидела мать, которая дала полную волю своей нежности: она осыпала мальчика ласками, она старалась утешить и, главное, ободрить его; она доказывала ему, что для него далеко не все потеряно, что он вполне может загладить свою прежнюю леность усиленным трудом, что при его хороших способностях ему нетрудно будет достигнуть успеха. И малопомалу мальчик успокоился, глаза его заблестели надеждой и решимостью, на губах появилась прежняя светлая улыбка.

Вера, проходя мимо детской, увидела в полуотворенную дверь, что голова брата лежит на плече матери, что мать тихонько гладит его волосы и говорит с ним нежно, с любовью. Вся веселость вмиг исчезла с лица девочки. «Вот как, – думала она, медленно возвращаясь в гостиную, – мама сидит с Борей, чтобы ласкать и целовать его! Он – лентяй, негодный мальчик, ничему не хотел учиться, не выдержал экзамена, а она все-таки любит его больше, чем меня; на меня она и внимания не обращает, а я ведь умная, прилежная, все меня хвалят!» И, чтобы получить эти похвалы, она беспрестанно вертелась около отца или принималась громко рассказывать Мите все подробности экзамена.

В день, назначенный для начала классов, обе девочки бодро и весело отправились в гимназию. Жени радовалась и новому темно-коричневому платьицу, надетому на ней, и красивым тетрадям, купленным ей отцом, и необыкновенно почетному в ее глазах званию гимназистки, и, главное, тому, что «там много девочек». Вера решила постоянно отличаться так, как отличалась на экзамене, и заранее радовалась в ожидании будущих успехов.

В гимназии сестры с самого первого дня повели себя совершенно различно. Жени быстро перезнакомилась со всем классом, во время большой перемены поссорилась с одной девочкой и подружилась с двумя другими; уходя домой, так расшалилась в передней, что заслужила строгий выговор классной дамы, а дома в подробности описала почти всех своих новых подруг, но зато очень смутно помнила то, что происходило в классе, и совсем не знала, какие уроки заданы. Вера, напротив, не разговаривала почти ни с кем из девочек, но зато не пропустила ни одного слова учительницы и заслужила ее похвалу за внимание и скромное поведение.

– Ну, что, Вера, не получила ли награды за прилежание? – подсмеялся над ней Митя, видя, как усердно она принимается готовить уроки к следующему дню.

– Награды не получила, а меня очень хвалила учительница, – с самодовольством ответила Вера.

– А девочкам я понравилась больше, чем ты, – подхватила Жени, – они говорят, что я и лучше, и веселее тебя.

– Пусть говорят, что хотят, – не без досады ответила Вера, – мне до них нет дела: я буду лучше стараться угождать классным дамам и учительницам.

И она действительно старалась.

Классная дама вышла на минуту из комнаты; в классе тотчас же начался шум, беспорядок: мимо окон прошел отряд солдат с музыкой, девочки вскочили со своих мест, бросились к окнам, на окна. Одна Вера сидит на своей скамейке, спокойно продолжая заниматься. Классная дама возвращается.

– Это что за беспорядок, – сердится она, – как вы смели сходить с мест, лазать на окна? Всем вам сбавлю по баллу за поведение.

– Я сидела на месте! – почтительно замечает Вера.

– Знаю, Петровская, я видела: вы одна здесь умная девочка.

«Выскачка!» – шепчут подруги Веры, сердито глядя на нее.

Учительница задает трудный урок.

– Ах, это много, нам этого не выучить! – жалуются дети.

– Полноте, это совсем не так трудно, – убеждает их учительница, – да неужели же в самом деле никто не может выучить такой безделицы?

– Я могу, – робко отвечает Вера.

– Ну, вот видите, Петровская может. Умница Петровская, прилежная девочка!

«Выскачка! Прилипала!» – пуще прежнего сердятся подруги.

Хотя Вера уверяла, что нисколько не интересуется мнением о себе подруг, но на самом деле это было не так: ей от души хотелось быть первой, отличнейшей ученицей, заслуживать постоянные похвалы старших и в то же время хотелось пользоваться общей любовью, общим уважением сверстниц, но она совершенно не знала, как приняться за дело, чтобы достигнуть этой двойной цели. Иногда она вдруг начинала оказывать всякие услуги какой-нибудь одной или несколькими девочкам, думая этим склонить их на свою сторону, но эта неожиданная услужливость только удивляла и смешила их. В другой раз она, заслышав ссору, принимала сторону одной из ссорящихся и старалась защитить ее от воображаемых обид другой, но дело кончалось тем, что обе спорщицы сердились на нее за непрошенное вмешательство и объединялись против нее же. Иногда ей приходило в голову доказать всем свой ум и знания, помогая другим готовить трудные уроки, повторяя им объяснения учительницы; этому девочки были действительно рады и с большим удовольствием принимали ее помощь; но вот случилось раз или два, что ученицы, подготовленные Верой, ответили урок лучше ее и получили высший балл, – она побледнела от злости и с тех пор никогда не отвечала ни на какие вопросы, касающиеся заданного.

«Петровская, дай списать задачку! Петровская, скажи, как надо перевести эту фразу, ты, наверное, помнишь?» – приставали к ней, но она оставалась непреклонной и тем, конечно, возбуждала против себя величайшее неудовольствие.

Первое время по вступлении ее в гимназию никто не обращал внимания на ее некрасивую наружность. Среди массы детских лиц, из которых далеко не все отличались миловидностью, ее лицо не казалось безобразным; младшие девочки не заметили неправильности ее сложения, а старшие с состраданием поглядывали на «кривобокую новенькую», но никто не думал смеяться над ней. Но когда она заслужила нерасположение всех своих подруг, тогда они, разбирая ее недостатки, не оставили в покое и ее наружности. Проходя по классу, она часто слышала, как ей кричали: «Кривуля!», «Злая горбунья!» – слышала, как смеялись, что у нее рот до ушей, что волосы ее торчат, точно иглы ежа, что она, вероятно, со злости откусила чей-нибудь огромный нос и приставила к своему лицу, и т. п.

Эти насмешки Вера никак не могла переносить равнодушно: она злилась на обидчиц, отыскивала в их наружности и одежде что-нибудь заслуживающее насмешку, бранила их, кричала на них; только приход классной дамы мог заставить ее успокоиться, и то успокоиться по наружности, в душе же она чувствовала сильнейшее озлобление. Как прежде дома, так и теперь

в гимназии Вера не считала себя нисколько виноватой в том, что ее не любят, что ей делают неприятности; она во всем обвиняла окружающих и ненавидела их за несправедливость к ней.

Глава IV

Прошел месяц. Жени училась довольно хорошо, потому что уроки были нетрудны и мать охотно помогала ей готовить их; подруги любили ее за живость, веселость, постоянную готовность принять участие во всякой проделке; классная дама часто делала ей выговоры, но снисходительно смотрела на ее шалости, видя что она еще мала и не привыкла к порядку общественного заведения. Вера стала первой ученицей, оставив далеко позади себя остальных; все учителя и учительницы единогласно хвалили ее необыкновенное прилежание и внимание, но зато подруги терпеть ее не могли. В свободное время она сидела или ходила всегда одна, ни от кого не слыша и ни с кем не говоря ни слова, или, напротив, ссорилась и бранилась, так что классная дама обратила на это внимание и несколько раз замечала ей:

– Петровская, я довольна вами, вы очень хорошо ведете себя в классе, но отчего это вы не можете жить в мире с подругами? У вас, должно быть, очень сварливый характер.

– Право, я не виновата, – оправдывалась Вера, – они завидуют мне и злятся за то, что я учусь лучше их.

Классная дама понимала, что это не может быть справедливо, но ей некогда было доискиваться причины детских ссор и объяснять ее Вере; она недоверчиво качала головой и замечала, что все-таки нехорошо ссориться и кричать.

Вера старалась быть тише, но не делалась от этого добрее. Напротив, она все более и более ожесточалась против подруг и уже окончательно отказалась от своего прежнего доброго намерения заслужить их любовь.

Неприятности, которые ей приходилось выносить беспрестанно, мучили ее до того, что она много раз собиралась просить отца и мать, чтобы они взяли ее из гимназии; единственное, что удерживало ее, что утешало ее за неприязнь подруг, – были похвалы начальства. Тщеславие ее было польщено этими похвалами, она дорожила ими больше всего на свете и ни за что не согласилась бы отказаться от них. И вдруг, о ужас! Ей пришлось убедиться, что начальство вовсе не такого хорошего о ней мнения, как она воображала.

Из всех уроков подготовительного класса девочек всего более затрудняли уроки географии: учительница была строга, взыскательна и в то же время очень скупа на объяснения; за каждым ее словом нужно было следить очень внимательно, так как она терпеть не могла повторять дважды одно и то же. Раз урок ее показался детям особенно непонятным, и многие из девочек стали приставать к Вере, чтобы она помогла им вспомнить объяснения учительницы.

– Я сама ничего не помню, учите, как знаете! – резко отвечала Вера.

– Не может быть, чтобы ты не помнила, ты всегда помнишь; будь добренькая, Петровская, скажи хоть одно словечко!

– Ничего я вам не буду говорить: всякий сам должен слушать в классе, – сердито отказывалась Вера.

Даже дома она не согласилась помочь Жени готовить урок.

Учительница географии вызвала поочередно десять учениц, и ни от одной из них не могла добиться ни слова в ответ на свои вопросы.

– Что же это значит, девицы! – воскликнула она. – Неужели никто не приготовил урока? Петровская, помните, о чем я рассказывала в прошлый раз?

– Помню! – ответила Вера и тотчас же твердым, громким голосом передала все объяснения, сделанные учительницей на предыдущем уроке.

– Очень хорошо, превосходно! – похвалила учительница и выставила ей в журнале 12, высший балл.

Только что урок географии кончился и учительница вышла из комнаты, как весь класс напал на Веру.

– Лгунья! Злая горбунья! Выскочка противная! – слышалось со всех сторон.

– Сама знала, а уверяла, что не знает, никому не хотела рассказать! Урод! Отодвигайся дальше от нас, мы не хотим сидеть подле тебя! Никто с тобой говорить не будет! Да на нее и смотреть-то противно, глядите – какая образина!

Вера, конечно, не оставляла этих любезностей без ответа и отбранивалась, насколько хватало сил. От слов дети скоро перешли к делу. В Веру полетели комки бумаги, куски мела, осколки карандашей. Это окончательно взорвало ее; не помня себя от гнева, она стала бросать направо и налево тетради, книги; ударила одну маленькую девочку линейкой по руке так больно, что та с громким плачем отбежала прочь, а другую схватила за волосы. В эту самую минуту на шум прибежала классная дама.

– Что это значит? Что за беспорядок! Все по местам! – закричала она.

Все девочки быстро уселись по скамейкам, одна Вера, ничего не слыша и не видя, продолжала трепать свою противницу, кричавшую во все горло.

– Петровская! Да вы с ума сошли! – воскликнула классная дама. – Сейчас же оставьте Лапину.

Вера выпустила из рук Лапину, которая представляла собой самую жалкую фигуру, со своими растрепанными волосами, раскрасневшимися щеками, заплаканным лицом.

– Петровская, – строгим голосом сказала классная дама, – я много раз замечала, что вы грубо обращаетесь с подругами, и прощала вам потому только, что вы первая ученица; теперь вы дошли до того, что начали драться, как уличный мальчишка, – этого я не могу простить! Станьте к доске, вы простои́те так до конца класса, и все узнают, за что вы наказаны. Идите, становитесь!

– Я не стану! Я не виновата! – проговорила Вера, едва переводя дух от волнения.

– Как, не станете, когда я приказываю? Это что за дерзость? Не виновата! А кто же побил Мятлеву и Лапину!

– Они сами меня обижали! Они бранились, кидали в меня бумагу! – оправдывалась Вера.

– Из этого вовсе не следует, что вы могли бить их! Да и вообще, прошу не рассуждать! Становитесь к доске!

– Я не стану! – упрямо повторила Вера.

– Петровская! Если вы тотчас же не исполните моего приказа́ния, я вас выведу из класса!

Вера видела, что дальнейшее сопротивление невозможно. Если классная дама исполнит свою угрозу – а по лицу ее видно было, что она не намерена шутить, – и выведет ее, ей придется стоять в коридоре; вся гимназия узнает, что она подвергнута наказанию, самому позорному из гимназических наказаний, нет – уж лучше послушаться, как это ни тяжело! Медленными шагами, низко опустив голову, подошла девочка и стала на указанное место. В комнату вошла несколько запоздавшая учительница французского языка.

– Это что значит? – с удивлением спросила она, указывая на Веру.

Классная дама тотчас рассказала ей, что застала Веру в драке, что она вообще сварливая девочка и давно заслуживает наказания.

– Ай, ай, как стыдно! – заметила учительница и приступила к уроку, не обращая более внимания на наказанную.

А Вера ждала от нее не того: эта учительница не только постоянно хвалила ее больше всех остальных, но и обращалась с ней ласково, с сочувствием, и вдруг – теперь она тоже обвиняет ее, обвиняет, не выслушав от нее ни слова оправдания! Бедная девочка была подавлена стыдом и горем. Она, первая ученица, которую еще вчера инспектор назвал «красой класса», и вдруг – наказана, унижена перед этими девчонками, которые вывели ее из терпения, которые сами во всем виноваты! О, как ненавидела она их в эти минуты! А между тем она боялась поднять на них глаза, боялась со всех сторон встретить насмешливые, недоброжелательные взгляды. А классная дама, а учительница? Давно ли они так хвалили, так превозносили ее, а теперь

обращаются с ней как с самой последней ученицей! Все ее заслуги забыты... К чему же она так старалась, так всем угождала? О, теперь уже этого не будет!

Слезы готовы были брызнуть из глаз ее, слезы горя и досады, но гордость удерживала их: ей не хотелось показать, что наказание так сильно действует на нее, не хотелось выказать раскаяния, сожаления в сделанном проступке. Она считала себя невинной, а всех окружающих – злыми и несправедливыми и, чтобы не обрадовать их видом своей печали, душила рыдания и старалась сохранить на губах презрительную улыбку. Усилия, которые ей для этого приходилось делать над собой, были чрезмерно тяжелы для нее: лицо ее побледнело, она вся дрожала, точно в лихорадке, и с трудом держалась на ногах.

Уроком французского языка кончались в этот день классы. Только учительница встала с места, чтобы уходить, как в комнату вошла начальница гимназии в сопровождении классной дамы, сообщившей ей о беспорядке в подготовительном классе. По лицу начальницы видно было, что она собиралась очень строго отнестись к виновнице этих беспорядков, но болезненный вид Веры смягчил ее.

– Петровская, – позвала она тем не менее серьезным голосом. – Раиса Ивановна рассказала мне, как вы дурно вели себя сегодня и какое строгое наказание заслужили. Я уже давно замечала, что вы постоянно ссоритесь с подругами; это очень, очень дурно. Весь ваш ум, все ваши знания не принесут ни малейшей пользы и не дадут вам счастья, если вы не постараетесь исправить своего характера. Лучше быть глупой и невеждой, чем злой и сварливой! Вы можете идти домой, Раиса Ивановна прощает вас, но не забудьте сегодняшнего урока!

«И она тоже, и она против меня, – думала Вера, слушая наставление начальницы, – злая, сварливая; нет! – я не злая, они сами все злые, гадкие, несправедливые, я не хочу их больше видеть, я не хочу ходить в гимназию».

Девочка вернулась домой совсем больная. Долго сдерживаемые слезы вырвались наружу в рыданиях, превратившихся в истерику. Страшные спазмы сжимали ее грудь и горло, в руках и ногах ее появились судороги. За этим припадком последовал полный упадок сил. Вера лежала на постели бледная, с закрытыми глазами и слабым голосом жаловалась на страшную боль в голове и груди. Андрей Андреевич и Софья Павловна не на шутку перепугались. Жени рассказала им все, что произошло в гимназии, и это еще больше огорчило их.

– Что мы будем с ней делать? – говорила Софья Павловна. – В общественном заведении ее не могут не наказывать, когда она этого заслуживает, а между тем наказания так сильно действуют на ее здоровье...

– А может быть, строгость исправит ее, – заметил Андрей Андреевич, – может быть, она постыдится наказаний и будет себя лучше вести?

– Нет, друг мой, ты не знаешь Веры, – вздохнула мать, – наказания только больше озлобляют ее. Я уверена, что, выздоровев, она будет лишь придумывать, как отомстить подругам за пережитую неприятность.

– Да, мама, – вмешалась в разговор Жени, – когда мы ехали домой, она все твердила: «Гадкие, несправедливые, я им покажу! Они говорят, что я злая, – хорошо же! Увидят они мою злость!..»

– Экий отвратительный ребенок! – воскликнул Андрей Андреевич.

– Бедное, бедное дитя! – с грустью проговорила Софья Павловна, глядя на бледное, страдальческое личико девочки.

Глава V

На другое утро Вера проснулась поздно. Хотя голова и грудь ее еще болели, но она уже могла встать с постели. Митя и Жени давно уже ушли в гимназию, Андрей Андреевич уехал из дома по делам, Боря занимался в своей комнате с учителем, Софья Павловна одна ждала дочь в столовой. Чтобы не раздражать девочку и не вызвать повторение болезненного припадка, она заговорила с ней весело и ласково, не вспоминая о вчерашнем. Вера отвечала нехотя и сама навела разговор на то, что, по-видимому, сильно занимало ее.

– Мама! Жени рассказала тебе, что было в гимназии?

– Да, милая, рассказала.

– Значит, ты знаешь, как меня обидели? Я после этого не могу больше ходить в гимназию.

– Полно, душенька! Жени поступила в гимназию вместе с тобой да была наказана уже два раза, и Митю наказывают иногда; надо принимать это спокойнее.

– Нет, мама, я не могу принимать это спокойно, – меня наказали несправедливо! Девочки смеялись надо мной, обижали меня, им Раиса Ивановна ничего не сказала, а меня, первую ученицу, поставила у доски перед целым классом! Этого никто и никогда не может перенести спокойно!

– Может быть, классная дама и в самом деле поступила с тобой слишком строго, но, сознайся, что ведь и ты была виновата: ты дралась с подругами, била их, – этого тебе нигде не позволят! Постарайся жить в мире с подругами, и тебе будет весело в гимназии...

– Нет, этого я также не могу! Они завидуют мне за то, что я умнее их, лучше учусь; они обижают меня, насмеваются надо мной, а я... Я ненавижу их. Я никогда, никогда не буду жить с ними в мире!

– Но, милая, в таком случае тебе придется часто терпеть наказания; я уверена, что папенька не согласится взять тебя из гимназии.

– А я не буду там учиться!

Софья Павловна не стала продолжать разговор, который раздражал девочку; но на деле вышло так, как она говорила. Андрей Андреевич и слышать не хотел о том, чтобы потакать «капризам избалованной девчонки», и строго приказал Вере на следующий день отправляться в гимназию. Вера не посмела ослушаться отца, но она явилась в класс в самом дурном расположении духа. Во время уроков она была небрежна и невнимательна, с подругами говорила грубо и сердито, на замечания классной дамы отвечала дерзостями. Кончилось тем, что ее опять наказали, и она вернулась домой с головной болью, из-за которой опять пролежала весь вечер в постели.

Так дело тянулось недели две. Вера ничему не училась, ссорилась и бранилась со всеми подругами, навлекала на себя беспрестанные выговоры и наказания, и от всех этих неприятностей постоянно хворала. Наконец Андрей Андреевич решился серьезно поговорить с девочкой.

– Послушай Вера, – сказал он ей, – что за дурь забрала ты себе в голову? Тебя все хвалили, думали, что из тебя выйдет умная, образованная женщина, а ты хочешь бросить ученье, остаться на всю жизнь невеждой?

– Нет, папа, я очень хочу учиться, только я, право, не могу быть в гимназии, – там меня очень обижают.

– Тебя везде будут обижать, если ты не постарайся исправить свой отвратительный характер. У меня нет средств, чтобы нанимать тебе отдельных учителей. Не хочешь учиться в гимназии – расти дурой.

– Позвольте мне, папа, учиться дома, вместе с Борей.

Андрей Андреевич не ответил на это ни да, ни нет, но, обдумав дело и переговорив с Софьей Павловной, нашел, что на просьбу Веры можно согласиться.

– Если бы она была крепкая, здоровая девочка, с ней можно бы обращаться поосторожнее, – говорила мать. – Но ведь ты видишь, какая она слабенькая, как всякая неприятность губительно действует на нее. За это время она похудела и побледнела до того, что на нее страшно смотреть; пусть себе спокойно живет дома и учится, как и сколько может; вырастет, поумнеет – может быть, и исправится, а нет – что делать! Еще хуже, если она наживет себе какую-нибудь тяжелую болезнь.

Для Бори Андрей Андреевич нашел строгого, взыскательного учителя, который очень серьезно занимался со своим учеником и никак не давал ему лениться. Узнав, что Вера хочет брать уроки вместе с ним, мальчик очень обрадовался: хотя он не был дружен с сестрой и ссорился с ней в последнее время реже только потому, что у обоих было мало свободного времени, но все-таки сидеть в классе вместе с ней казалось ему веселее, чем наедине с суровым, молчаливым учителем. Учитель, напротив, не выразил никакого удовольствия, узнав, что у него появляется новая ученица.

– Я не привык заниматься с маленькими детьми, – сухо заметил он, неприветливо оглядывая Веру с ног до головы, – и не знаю, сумею ли взяться за дело. Особенно с девочками – беда! Сейчас начнутся слезы, писк...

– Я никогда не плачу в классе! – гордо проговорила Вера. – Я только годом моложе Бори, со мной можно обращаться так же, как с ним...

Самоуверенный голос так не шел к ее маленькой, тщедушной фигурке, что учитель не мог удержаться от улыбки.

– Увидим! – сказал он. – Чему же вы хотите учиться, большая девица?

– Всему, чему учится Боря.

– Как? И латинскому языку?

– Конечно, я буду стараться, вы увидите, что я не глупее Бори!

– Я вижу, что вы довольно высокого о себе мнения. Урок начался. Учитель, желая немного убавить самоуверенность девочки, не старался делать его для нее ни легче, ни интереснее. Вера была этому очень рада: она любила, чтобы к ней относились серьезно, как к взрослой девочке, чтобы ей давали возможность выказать все свои способности. Учитель остался очень доволен ею, и она слышала, как, уходя, он сказал ее матери: «Кажется, мы будем дружны с вашей дочкой: удивительно способная и прилежная девочка».

Эти слова придали новую бодрость Вере, и теперь она уже не сомневалась более в своих силах.

– С чего это ты выдумала, Вера, учиться по-латыни? – говорил ей Боря. – Девочки никогда не учатся древним языкам: это для них слишком трудно.

– Пустяки! Одна учительница в гимназии говорила нам, что девочкам стоит только постараться, и они могут всему научиться не хуже мальчиков. Я и постараюсь! Я знаю, что я не могу быть такой хорошенькой и ловкой, как Жени, но я наверняка не глупее тебя и Мити; увидишь, что я догоню и перегоню тебя в учении!

Такое «нахальное хвастовство», как назвал Боря слова сестры, передавая их позднее Мите, до того поразило мальчика, что он не нашелся ответить на него, а Вера, между тем, принялась серьезно исполнять свое намерение догнать и перегнать его.

Она прилежно училась до и после поступления в гимназию, но это прилежание не шло ни в какое сравнение с той, можно сказать, жадностью, с какой она набросилась теперь на книги.

Учитель, заметив, что у нее большие способности к математике, в занятиях с ней обратил особенное внимание на этот предмет, и через несколько недель она стала решать арифметические задачи быстрее и правильнее Бори. Этот успех не удовлетворил честолюбивую девочку: ей, главным образом, хотелось сравняться с братом в том, чем он наиболее гордился, – в латинском языке. Это было дело нелегкое. Боря уже два года учился латыни и успел преодолеть первые трудности латинской грамматики, она же только что знакомилась с русской грамматикой,

а по-латыни не знала ни слова. Но это не смущало ее. «У меня способности не хуже, чем у Бори, – говорила она сама себе, – это и учитель сказал; Боря ленив, а я прилежна, он учится пять часов в день, а я буду учиться десять; через год я точно догоню его!»

– Вера, Верочка! – звала ее мать, видя, как она сидит за своим письменным столиком, оперев на обе руки усталую голову, не слушая и не слыша ничего, что делалось вокруг, заучивая целые сотни латинских слов и десятки грамматических правил. – Верочка, я с тобой говорю!

Девочка ничего не слышала, и мать должна была класть руку на ее книгу, чтобы заставить ее оглянуться.

– Что тебе, мама? – недовольным голосом спрашивала она, досадуя на перерыв в занятиях.

– Брось ты эту латынь, голубушка; посмотри, как ты измучилась: голова горит, руки как лед; я занимаюсь с тобой французским и немецким языками, – право, этого для тебя довольно!

– Отчего же для Бори не довольно, а для меня довольно?.. Не мешайте мне учиться, мама.

– Боре все легче дается, чем тебе, дружок. Вон он уже давно приготовил все уроки и скачет, как конь без узды, а ты целый день сидишь над книгой, – это вредно, ты заболеешь.

– Никогда не заболею от учения! Уж если заболею, так скорей от того, что вы мне мешаете делать, что мне хочется, что мне приятно.

Мать со вздохом отходила от упрямой девочки, а на следующий день Вера отвечала учителю урок втрое больше заданного им, и отвечала так твердо и хорошо, что на несколько минут вся его суровость исчезала и он осыпал ее похвалами.

Эти похвалы, особенно когда к ним присоединялось какое-нибудь замечание о недостатке прилежания у Бори, заставляли девочку забывать и усталость, и головную боль; они придавали ей силу и бодрость на новые труды. Учитель и не подозревал, что его одобрение постоянно питает и развивает тщеславие девочки; впрочем, если бы он даже и подозревал, это не заставило бы его изменить обращения: он брался учить детей, сообщать им как можно больше знаний и заботился только об их успехах в науках. Чувства же учеников, свойства их характера вовсе не интересовали его. Ему было все равно, из-за чего учится ребенок, – из страха, из тщеславия или из любви к науке, только бы он всегда исправно готовил заданные уроки да смирно, внимательно сидел в классе.

Боря не нравился ему своей живостью, впечатлительностью, недостатком усидчивости. Вера же вполне его удовлетворяла, и он с видимым удовольствием занимался с ней. Он не замечал, что, слушая его объяснения или рассказы, девочка не интересуется тем, о чем он говорит, не заботится понять вполне смысл его слов, а думает только, как бы запомнить его выражения, его фразы и потом повторять их; что она старается только заучивать уроки, а не основательно выучиться чему-нибудь; что ее не радует, как Борю, когда она может узнать что-нибудь новенькое, а напротив, ей больше нравится или повторять старое, потому что это легче и она скорей может заслужить похвалу, или запоминать мудреные слова, которыми можно похвастать. Благодаря этим мудреным словам, которые девочка старалась и кстати и некстати вставлять в свои разговоры, благодаря книгам, которые она не выпускала из рук, все домашние скоро стали считать ее не по летам умной.

– Не жалею о том, что ты нехороша собой, – говорила ей иногда мать. – Ум важнее красоты; если ты будешь умной, образованной женщиной, никто не станет обращать внимания на твою наружность.

Вера и сама стала меньше прежнего думать о своей наружности. Смотря на себя в зеркало и сравнивая свое некрасивое лицо с прелестным личиком сестры, она не печалилась, не сердилась, как прежде, а напротив, гордо встряхивая своими темными, жесткими кудрями, думала: «Пусть себе Жени гордится своей красотой, – это все пустяки: когда мы вырастем большие,

ею будут любоваться, а со мной все-таки всякому приятнее будет и посидеть, и поговорить, потому что я буду гораздо умнее ее».

Наряды также перестали занимать Веру. Когда она видела, что мать собирается шить обновки ей и сестре, она не кричала, как прежде: «Пожалуйста, мама, мне такое же, как Жени!» – а напротив, презрительно замечала: «Наряжайте, мама, Жени, – мне этого не нужно!» Теперь Вера ссорилась с сестрой и с братьями меньше прежнего, но вовсе не оттого, что стала добрее, что стала больше любить их. Она по-прежнему завидовала им и не желала сочувствовать ни их радостям, ни их горестям. Только теперь и у нее, и у них было меньше свободного времени, им некогда было заводить длинные споры и ссоры из-за всякого пустяка; они перебрасывались несколькими бранчливыми фразами, затем по целым часам дулись, ничего не говорили друг с другом, и в детской господствовала тишина, радовавшая Андрея Андреевича.

Была ли Вера в это время счастливее, чем в первые годы своего детства? Она, как и все дети, не задавала себе этого вопроса, но стоило взглянуть на ее вечно нахмуренное, озабоченное личико, чтобы понять, как ей далеко было до счастья. Да и правду сказать: мало радостей, и зато много неприятных, горьких минут приходилось ей переживать.

Вот возвращается из гимназии Жени, свеженькая и веселенькая, как всегда, и со смехом рассказывает разные гимназические приключения; Вера молча слушает, и грустно ей, что у нее нет подруг, нет сверстниц, с которыми она могла бы и поиграть, и пошалить иногда. В воскресенье к Мите собирались товарищи, у них затевались разные шумные игры, первым зачинщиком которых был обыкновенно Боря, но в которых и Жени часто принимала деятельное участие. Вера не могла бегать и скакать, как другие, она сидела над книгой, стараясь утешить себя мыслью, что она зато будет всех умнее, но эта мысль плохо помогала ей: всякий раз, когда до ее ушей долетали взрывы веселых криков и смеха, сердце девочки болезненно сжималось; она чувствовала, что, будь она так же здорова, как Жени, и она с радостью отбросила бы латинскую грамматику и стала веселиться вместе с другими.

Жени с Борей ушли в уголок и о чем-то оживленно шепчутся; они помогают друг другу во всех шалостях, оттого у них всегда секреты, всегда какие-то особенные, приятные разговоры.

– О чем это вы говорите? – подходя к ним, спрашивает Вера.

– Тебе что за дело? Поди прочь! – резко отвечает Жени.

– Отправляйся к своим книгам, ты ведь ученая! – прибавляет Боря.

Вера отходит, награждая их названием «дураки», но это нисколько не утешает ее. Ей грустно, что никто никогда не пошепчется дружески с ней, не расскажет ей своих секретов, что она чужая и для сестры, и для братьев.

Митя достал себе новую книгу, он читает ее с интересом, с увлечением. Щеки его разгорелись, глаза блестят, он готов ради книги забыть и пищу, и питье. Он с одушевлением разговаривает о прочитанном со всеми, кто согласен слушать его; видно, что чтение доставляет ему величайшее удовольствие. Вера с удивлением смотрит на него; она целые дни просиживает над книгами, но никогда не испытывает ничего подобного. Для нее и чтение, и ученье – труд, тяжелый труд, а никак не наслаждение; она не понимает, как может Митя радоваться тому, что понял или узнал что-нибудь, за что никто не будет его хвалить, восхищаться им. Она не понимает, а между тем ей ясно, что чувства брата приятны; и грустно ей, что она не может испытать того же...

Даже те радостные минуты ее жизни, когда она слышала себе похвалы, были часто, очень часто отравлены. Когда учитель, прослушав ее и Борин ответ, замечал: «Хорошо! Вы, Верочка, очень твердо выучили, но Боря, кажется, лучше понял, в чем дело; послушайте, он вам объяснит», – то она готова была заплакать от досады. Когда кто-нибудь из гостей, часто обедавших у отца ее, обращался с каким-нибудь вопросом к ее братьям и давал им возможность показать свои знания, она бледнела от зависти. Всякая похвала другим казалась ей личным оскорблением, унижением ее достоинства; те же похвалы, которые получала она сама, пред-

ставлялись ей недостаточными. Она обижалась, когда учитель просто говорил ей: «Хорошо, очень хорошо!» – и выбивалась из сил, чтобы заслужить от него более горячие одобрения; а он, как нарочно, становился все скупее на эти одобрения, а силы все чаще и чаще изменяли ей.

Не раз приходилось ей два-три дня лежать в постели; от сильной головной боли не раз, просидевши несколько часов кряду над книгами, она с ужасом замечала, что ничего не знает, ничего не могла выучить, и в отчаянии бросала занятия. «О, как тяжело, как страшно тяжело делаться ученой! – думала она иногда, сжимая руками свою бедную, больную голову, – и отчего мне это так особенно тяжело, отчего для меня ни в чем нет удовольствия, во всем одно горе, одно мучение?...»

Глава VI

На улице, перед домом, где живут Петровские, лежит густой слой соломы: у Петровских родился новый член семьи. Рождение детей не было чрезвычайным событием в этом семействе: после Жени у Софьи Павловны было четверо малюток, и ни один из них не доживал до трех лет. На этот раз рождение маленького Пети возбудило общую тревогу, потому что оно сопровождалось опасной болезнью Софьи Павловны. Из-за этой болезни лежала на улице солома, из-за этой болезни все в доме говорили шепотом, ходили на цыпочках. Андрей Андреевич проводил дни и ночи у постели больной жены, детей к ней не пускали, им приказано было не выходить из своих комнат. Туда приносили им обед и чай, туда доходили до них отрывистые сведения о положении матери, сведения грустные и тревожные.

– Сегодня папенька пригласил еще двух докторов, – сообщила им утром горничная, – наш-то не берется один лечить, говорит – плохо!

– Неужели, в самом деле, плохо? Неужели мама умрет? – перешептывались встревоженные дети. – Нет, не может быть! Новые доктора помогут ей; ведь мама часто бывает больна! – И они старались утешать друг друга, отгонять от себя страшную мысль.

Вечером в комнату их вошел отец; он был страшно бледен.

– Дети, – сказал он каким-то изменившимся, не своим голосом, – идите к матери!

– Что же мама? Лучше ли ей? – спрашивали они.

– Ничего, идите!

Они вошли в спальню и, дрожа от какого-то непонятного страха, подошли к постели. Вид матери несколько успокоил их: она не кричала, не стонала, наружность ее не выражала страдания, она лежала неподвижно; лицо ее, окруженное прядями спутавшихся волос, было бледно, полуоткрытые глаза глядели в пространство, из посинелых запекшихся губ вылетало редкое, прерывистое дыхание.

– Маменька, мы к тебе пришли; видишь ты нас? – прошептала Жени, положив ручку на руку матери.

Больная не пошевелилась.

– Разве мама спит? – спросила Вера у дамы в темном платье, стоявшей подле постели.

– Да, спит, поцелуйте ее осторожно и уйдите, – ответила дама.

Дети наклонились над больной, они целовали ее в губы, в лоб, в руки – она ни одним движением не показала, что чувствует эти поцелуи. Неподвижность матери, взгляд полуоткрытых глаз испугали детей.

– Мама, мама, проснись, если ты спишь! – со слезами закричала Вера, забывая всякую осторожность и хватая обеими руками холодеющую руку матери.

По лицу больной пробежала судорога.

– Довольно, довольно, дети, уходите! – торопливо заговорила дама в темном платье и быстро выводила их за двери.

На другое утро, проснувшись раньше обыкновенного, дети слышали в доме шум и суматоху. Горничная, пришедшая на зов их, залилась слезами при вопросе их: «Что мама?»

– Что это значит? Неужели мама умерла? – взволнованным голосом спросил Митя.

– Скончались, сегодня, в четыре часа, – рыдая, ответила горничная.

В первые минуты эта страшная весть не столько огорчила, сколько испугала, ошеломила детей. Они несколько раз видали гробы в своей квартире, но то были маленькие гробики крошечных братцев и сестриц, к которым они еще не успели привыкнуть, которых они еще не успели полюбить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.